

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

MONGOLICA

К 750-летию
«Сокровенного сказания»

Москва
"НАУКА"
Издательская фирма "Восточная литература"
1993

ББК 63.3
М61

Редакционная коллегия

*В.М.Солнцев (председатель),
Л.К.Герасимович, С.Г.Кляшторный (зам.председателя),
Е.И.Кичанов, А.Г.Сазкин, К.Н.Яковская*

Редактор издательства

С.М.Аникеева

Mongolica: К 750-летию "Сокровенного сказа-
М61 ния". — М.: Наука. Издательская фирма "Восточ-
ная литература", 1993. — 343 с.
ISBN 5-02-017395-9

Статьи сборника посвящены истории изучения древнейшего и уникального памятника монгольской письменности — "Сокровенного сказания", его значению как литературного и исторического памятника, его фонетической реконструкции и языковым особенностям. Ряд статей характеризует историографические, этнографические и фольклорные сюжеты, связанные с "Сокровенным сказанием".

М $\frac{0502000000-082}{013(02)-93}$ 26-92

ББК 63.3

ISBN 5-02-017395-9

© Издательская фирма
"Восточная литература"
ВО "Наука", 1993

В. В. Трепавлов

ТРАДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
В КОЧЕВЫХ ИМПЕРИЯХ
(очерк историографии)

Изучение древней и средневековой истории кочевников в европейской науке продолжается уже более двухсот лет. С накоплением источников расширялась проблематика исследований, однако долгое время внимание ученых было сосредоточено на отдельных племенных конфедерациях и государственных образованиях номадов. Кочевые державы, сменявшиеся в степях от Дуная до Амура, рассматривались в отрыве друг от друга, без учета традиций, преемственности, в частности в социально-политическом устройстве. Лишь в последние два десятилетия стали появляться суждения о необходимости комплексного анализа кочевой истории, преодоления дескриптивности характеристик тюркских и монгольских ханств [Златкин, 1982, с. 255; Квантен, 1979, с. 4; Сухбаатар, 1973, с. 113, 117; Ширендыб, 1974, с. 25]. Высказывания по этому поводу встречались в литературе неоднократно, и, несмотря на абсолютную неразработанность темы, как это ни парадоксально, уже можно составлять ее историографию.

Возьмем за "точку отсчета" Монгольскую империю XIII в., так как изучение ее истории ныне довольно полно обеспечено источниками. Поскольку пристальный интерес исследователей к аспектам преемственности традиций государственности наблюдается только с 1960 годов, а в более ранних работах ссылки на них эпизодичны, представляется нецелесообразным членить разбор историографии по общепринятому хронологическому принципу. Будет удобнее это сделать в ракурсе отдельных крупных проблем.

Проблема объективной обусловленности социально-политических традиций. Преемственность в развитии общественного строя. Знакомясь с кочевническими государствами, невозможно не заметить их явного сходства между собой — настолько разительного, что ряд ориенталистов приписывают развитию этих обществ характер цикла (различные теории "кругов"). Чем же обусловлены общие черты в административных институтах, податных системах, внешней политике и т.д., т.е. в надстройке этих государств? Вероятно, идентичностью элементов скотоводческой экономики. Следовательно, причину сходства нужно искать в экономических и социальных отношениях.

В истории кочевников заметно различаются две тенденции государственного оформления и развития: одна — установление деспотического централизованного монархического правления (чаще всего в результате разгрома ханов-соперников и завоевания соседних владений), другая — объединение постепенно разлагающихся племён с сильнейшими патриархальными пережитками. Этим тенденциям дают различные названия, но суть не меняется. Так, В.В.Бартольд первую из них трактовал как господство аристократии (пример — Монгольская империя), а вторую — как господство демократии (пример — Тюркский каганат) [Бартольд, 1968б, с. 261; Бартольд, 1968в, с. 278]; Л.Н.Гумилев — соответственно как тюркский и уйгурский пути развития [Гумилев, 1967, с. 390]. Л.П.Лашук обозначил их как третью (государство) и вторую ("большое племя") "стадии-структуры" развития социальных организмов кочевников [Лашук, 1967]. У Г.Е.Маркова это "военно-кочевое" (тюрки-тугю¹, монголы XIII в.) и "общинно-кочевое" состояния [Марков, 1973, с. 6–7]. С.А.Плетнева составила "третью модель" (для народов на "третьей стадии кочевания" — уйгуров и кыргызов раннего средневековья, кимаков, хазар периода расцвета каганата, монголов XIII–XIV вв.) и "вторую модель" (для народов на "второй стадии кочевания" — хунну, гуннов Аттилы, сяньби, жужаней, тюрк-тугю, авар, кыпчаков с начала XII в.) [Плетнева, 1982, с. 36–126]. Г.А.Федоров-Давыдов выделил монгольский (военный) и кыпчакский (мирный) пути [Федоров-Давыдов, 1973, с. 42]. Отметим, что почти все историки признают господство первой тенденции в монгольском государстве XIII в. Кроме того, её усматривают в развитии других крупнейших держав — хуннской и древнетюркских.

Однако В.В.Бартольд противопоставлял Тюркский каганат Монгольской империи на основе неоправданной идеализации правителей из рода Ашина ("народный вождь", "защитник и помощник бедного и нагого народа" и т.п.). Он видел в их монархии идиллическую картину "победившей демократии", одолевшей "аристократию", в то время как у монголов — произошло наоборот, и Чингис-хан являлся душеителем свободы народных масс в угоду степным князьям, к лагерю которых он сам принадлежал [Бартольд, 1968б, с. 260–261; Бартольд, 1968в, с. 278]². Здесь справедливо подмечена

¹ *Тугю* (*туцзюэ*) — китайское наименование алтайских и орхонских тюрков, создавших восточные и западный каганаты в VI–VIII вв.

² Свой тезис В.В.Бартольд подкреплял следующими соображениями: 1) тюркский каган, судя по орхонским эпитафиям, делает бедный народ богатым, малочисленный народ многочисленным и т.п. А "Чингиз-хан наставляет на том, что до него в степи не было никакого порядка; младшие не слушали старших, подчиненные не уважали начальников, начальники не исполняли своих обязанностей относительно подчиненных. Чингиз-хан, вступив на престол, ввел строгий порядок и указал каждому свое место" [Бартольд, 1968б, с. 261]. Т.е. получается, что каган тугю заботился о благе подданных, а Чингис стремился к уста-

связь образования Еке Монгол Улуса с социальными конфликтами, но Тюркский каганат вовсе не антипод в этом отношении. Орхонские рунические тексты донесли разделение кочевников на знать и престолярное; кроме того, существовала категория зависимых — кул. Впрочем, спорность мнения В.В.Бартольда была отмечена еще А.Н.Бернштамом [Бернштам, 1946, с. 24—28] (см. также [Кляшторный, 1986]).

К разным "моделям" кочевых государств относит каганат тюрк-тугю и Чингисидскую монархию и С.А.Плетнева. Разницу между ними она обосновывает социально-экономическим несходством, т.е. в конечном счете различием уровней формационного развития. Тем не менее и этот автор признает возможность историко-типологического сравнения крупнейших степных империй (хунну, тугю, монголов) [Плетнева, 1982, с. 114, 117].

Идентичность социально-политической организации кочевых империй позволяет предположить, что они являлись ступенями единого процесса развития общественного строя кочевников. Действительно, в последнее время историки склоняются к идее органичной связи кочевых держав в ходе неуклонной феодализации [Викторова, 1980, с. 172; Златкин, 1960; Златкин, 1971; Златкин, 1974; Ишжамц, 1972], в процессе "перехода земли во владение и монопольную собственность феодализирующейся знати" и обусловленного этим "превращения свободных общинников в феодально зависимых и крепостных" [Ишжамц, 1972, с. 9]. Этот процесс был очень длительным; по мнению И.Я.Златкина, он охватил более полутора тысячелетий (начало второй половины I тыс. до н.э. — XIII в. н.э.) [Златкин, 1974, с. 35—37]. В это время кроме трансформации поземельных отношений происходил, во-первых, переход от примитивного охотничье-собирательского и оседло-земледельческого, скотоводческого хозяйства к кочевому скотоводству как главной отрасли труда. Во-вторых, шли формирование и консолидация некоторых монгольских, тюркских и тунгусских народностей [Златкин, 1971, с. 173]. Причем "каждое из сменявшихся на территории Монголии государственных образований... закрепляло полученные от предшественников элементы феодализма и в свою очередь расширяло и укрепляло их. Мон-

новлению строгой социальной иерархии; 2) во всех своих наставлениях Чингис-хан обращается не ко всему народу, подобно тюркскому кагану, а только к родственникам, вельможам и военачальникам [Бартольд, 1968б, с. 261]. Однако, во-первых, мы не можем слепо следовать концепции источника и принимать на веру альтруистические похваления государя Амина. Бахвальство Могиляна по поводу собственных деяний еще не свидетельствует о "демократическом" характере древнетюркского общества. Во-вторых, стелы с руникой были выставлены на всеобщее обозрение и представляли собой политические декларации. Вероятно, в таких документах трактовка отношений сюзерена и подданных должна была выглядеть иначе, чем в засекреченных хрониках правящего рода, откуда В.В.Бартольд почерпнул наставления Чингис-хана.

гольские племена... явились наследниками всего прогрессивного, что было накоплено их предшественниками" [Златкин, 1960; с. 2-3]. Все это дало И.Я.Златкину основание объединить всю историю кочевых народов с первых веков нашей эры до середины XIII в. в раннефеодальный период [Златкин, 1960, с. 8].

В целом исследователи соглашаются с правомерностью такого объединения, и расхождения касаются вопроса, какие государства можно считать полноценными ступенями феодализации. Одни выделяют лишь основные, наиболее прочные и долговечные державы (хунну, сяньби, жуэни, тюрки, уйгуры, кидани, монголы) [Викторова, 1980, с. 172], другие относят сюда все образования, которые возникали в Центральной Азии с начала нашей эры (включая Кыргызский каганат, каганат цзубу, различные мелкие тюрко-монгольские ханства и племенные союзы XI-XII вв.) [Ишжамц, 1972, с. 9-10]³. Поскольку последовательно развивался общественный строй, то ясно, что сопровождавшие его политические институты несли на себе отпечаток предшествовавших учреждений. Поэтому "необходимо учитывать преемственность развития традиций государственности на всем протяжении истории Монголии" [Ишжамц, 1972, с. 31]. Н.Ишжамцу вторит американский номадист Л.Квантен. В своей книге "Кочевники - создатели империй" он неоднократно акцентирует внимание на наличии общих традиций построения кочевых империй, в том числе и Монгольской. Более того, он утверждает, будто монголы были не только хорошо осведомлены об истории предыдущих держав, но и, понимая причины крушения последних, предпринимали шаги для предотвращения этого [Квантен, 1979, с. 5, 230]. Однако эти тезисы Л.Квантена не подкреплены достаточными доказательствами и чаще просто постулируются.

Не раз в литературе назывались общие для политических образований номадов черты. Нужно отметить, что признаки государства, выделенные Ф.Энгельсом в "Происхождении семьи, частной собственности и государства" [Энгельс, с. 170-171], нечасто привлекаются к определению степени социального развития обществ евразийских степей, да и то в негативных позициях. Так, В.Ф.Шахматов, пытаясь разобраться в общественных отношениях позднесредневекового Казахстана, отказывает кочевым ханствам и в территориальном разделении (так как население делилось по родам), и в публичной власти, и в постоянной системе налогов [Шахматов, 1959, с. 68, 71-73, 76-78]. В самом деле, при сравнении античных полисов и западноевропейских королевств с тюркскими и монгольскими "вечными элями" и "великими улусами" (где практиковались поголовное вооружение, некодифицированное право, размытые границы владений) трудно уподобить их друг другу. Поэтому применительно к центрально- и восточноазиатским обществам раннего средне-

³ Понятие "каганат цзубу" встречается, судя по всему, только в работах Н.Ишжамца.

вековья истории развивают и расширяют схему Энгельса. В отношении чжурчжэней эту работу проделал М.В.Воробьев, заключив, что о существовании государства можно говорить лишь при наличии, во-первых, зафиксированного в источниках его провозглашения как сознательного политического действия, точно ориентированного во времени; во-вторых, названия государства и соответствующего прозвища его жителей; в-третьих, осознания правящей верхушкой себя в качестве правителей государства с принятием монархических титулов [Воробьев, 1975, с. 62-63].

Детальный и аргументированный разбор генезиса и особенностей ранней государственности принадлежит кроме И.Я.Златкина Л.С.Васильеву [Васильев, 1983, с. 3-57] и Л.Крадеру [Крадер, 1955; Крадер, 1978]. Они выделили особую форму "чифдом" как промежуточный этап в процессе политической интеграции догосударственных структур в государство и потому присущую как земледельцам, так иномадам". Судя по единодушным высказываниям этих авторов, они полагают, что степняки в своем социально-политическом развитии не были способны подняться выше "чифдома" [Васильев, 1983, с. 32; Крадер, 1978]. Однако некоторые из отмеченных Л.С.Васильевым параметров "чифдома" (основоплагающая роль генеалогического родства, главенство сакрализованного лидера, разделение труда и обмен, "правитель из слуги общества начинает становиться господином... над ним" [Васильев, 1983, с. 40]) не совпадают с конкретной Монгольской империи и ряда других подобных ей образований. Поэтому не случайно абсолютное большинство историков рассматривают огромные, хотя зачастую рыхлые и эфемерные, степные объединения как ранние (раннефеодалные) государства⁵.

Некоторые исследователи проводят обобщения на более узком фоне, сопоставляя лишь кочевые царства. В целом можно отметить следующие характеристики, прилагаемые к ним: 1) сохранение формы родо-племенных институтов, наполняемых новым, политическим и государственным содержанием [Бернштам, 1946, с. 145; Кляшторный, 1984, с. 149; Крадер, 1955, с. 68; Марков, 1973, с. 7; Нацагдорж, 1975, с. 2; Плетнева, 1982, с. 106; Сэр-Оджав, 1971, с. 24-25; Федоров-Давыдов, 1966, с. 227]; 2) строго централизованное управление с чертами военной диктатуры, характерное для наиболее обширных государств - древнетюркских и монгольского [Марков, 1973, с. 7; Плетнева, 1982, с. 117; Ширендыб, 1974, с. 28; и др.]; 3) состояние постоянной

⁴ Термин "чифдом" ввел в советскую науку Л.С.Васильев. Впервые он появился в трудах американских историков и социологов Л.Крадера, Э.Р.Сервиса, М.Х.Фрида.

⁵ Сам Л.С.Васильев применяет понятие раннего государства для следующей за "чифдомом" ступени политического развития, и как раз признаки этой формы (см. [Васильев, 1983, с. 49]) гораздо больше соответствуют картине общественных отношений в крупнейших кочевых империях.

войны с соседями; 4) огромная территория [Плетнева, 1982⁶, с. 106, 117].

Степень повторяемости государственно-политических явлений в степных империях оценивается неоднозначно. Можно встретить абсолютизацию традиции: с точки зрения Б.Я.Владимирцова, Н.Ц.Мункуева и некоторых других историков, в устройстве монархии, созданной Чингис-ханом, все было повторением того, что существовало и до него [Владимирцов, 1934, с. 96–97, 102–103; История МНР, 1967, с. 106; Мункуев, 1970а, с. 366; Фокс, 1937, с. 106]. Другие подходят более осторожно: государство монголов либо "напоминало вполне прежние кочевые империи" [Чулошников, 1924, с. 86], либо носило "определенный отпечаток перенятых древних традиций" [Ширендыб, 1974, с. 25], либо имело неких "предвестников событий XIII века" [Рерих, 1958, с. 334].

Вот как раз в отношении этих "предвестников" наблюдается особенно резкий диссонанс мнений. Обычно отдают предпочтение какой-нибудь одной группе кочевников, приписывая ей славу исходного пункта центральноазиатской государственности.

Проблема происхождения традиции государственности у кочевников. Особое значение историки придают державе хунну (III в. до н.э. – II в. н.э.) – первому достоверно известному политическому образованию в восточной части Великой степи. Еще в XVIII в. Ж.Дегинь утверждал, что "Хунну было кочевое государство, из которого впоследствии вышло турецкое (т.е. древнетюркское. – В.Т.), а затем монгольское" (цит. по [Бернштам, 1946, с. 23]). Подобные общие констатации встречаются ныне у Л.Квантена [Квантен, 1979, с. 9], Э.Филлипса [Филлипс, 1969, с. 22–23] и некоторых других востоковедов. Чаще всего это понимается как сходство отдельных компонентов политической организации, и в этом смысле имеется ряд попыток конкретизировать понятие хуннской традиции. Самым значительным государством кочевников раннего средневековья был, несомненно, I Тюркский каганат, и именно в его устройстве ищут аналогии с царством шаньюев Люаньди, иногда представляя эль древних тюрков как результат развития хуннской государственности [Савинов, 1984, с. 32, 34]. Эту преемственность видят в дублировании тюрками правящего триумвирата хуннов (каган, ягю, шад – шаньюй, восточный и западный сянь-ваны) [Киселев, 1951, с. 501], системы крыльев [Грач, Потапов, 1964, с. 69–70; Толстов, 1938, с. 76], десятичного разделения армии [Филлипс, 1969, с. 24], понимания сакральной связи правителя с Небом [Мори, 1981, с. 74; Туран, 1955, с. 78–80; Фасеев, 1978, с. 128; Филлипс, 1969, с. 24]. Некоторые явления в Монгольской империи XIII в. также связывают с хунну: крылья [Гонгор, 1978, с. 15; Хазанов, 1975, с. 197], улусную систему [Таскин, 1973,

⁶ С.А.Плетневой принадлежит, видимо, самая подробная схема аналитического сопоставления кочевых держав.

с. 17; Хазанов, 1975, с. 197], десятичную систему [Санкритьяна, 1964, с. 20–21, и др.], "традиции степного единства" [Гумилев, 1970, с. 162]. Лишь Дж.Флетчер попробовал (в пределах небольшого абзаца) не просто отметить сходные черты в организации управления, но проследить развитие "тенденции к империи" от хуннов – через сяньби, тюрков, киданей – к монголам XIII в. Эту тенденцию он видел в абсолютизации ханской власти и постепенном установлении жесткой военизированной структуры [Флетчер, 1986, с. 21]. Однако краткий экскурс американского монголиста не подкреплен ссылками на источники.

Пристальное внимание к вопросам преемственности монгольского улуса от его предшественников рубежа эр проявляют историки МНР Н.Ишжамц [Ишжамц, 1972, с. 8] и особенно Г.Сухбаатар. В пользу своего основополагающего тезиса о том, что "традиция государственности у монголов преемственно связана с хуннской" [Сухбаатар, 1973, с. 114; Сухбаатар, 1974, с. 275], Г.Сухбаатар приводит такие соображения: 1) идентичность раздела империи на крылья и центр; 2) десятичная система; 3) сходная церемония интронизации; 4) сходная концепция верховной власти (авторитарность шаньюя); 5) приблизительно одинаковый погребальный обряд; 6) применение свистящих стрел; 7) любовь и хуннов и монголов к конским скачкам и верблюжьим бегам; 8) одинаковый состав стада; 9) одинаковая конструкция лодок [Сухбаатар, 1973, с. 114–115; Сухбаатар, 1974, с. 275–276; Сухбаатар, 1978, с. 262, 264]. Ясно, что лишь первые четыре из приведенных факторов могут считаться параметрами социально-политической преемственности. Однако автор не аргументирует свои доводы подробным сопоставлением текстов источников и оставляет в стороне проблему механизма движения традиции в истории. Что касается остальных пунктов, то все они построены на предельно дискуссионном утверждении о монголоязычности хуннов (и, следовательно, признании их этническими предками монголов) и на абстрагировании от общеизвестной нивелировки материальной культуры евразийских кочевников. К тому же в источниках, насколько нам известно, нет детальных описаний шаньюевой коронации.

Да и сам Г.Сухбаатар в своей книге о сяньби (период их гегемонии в Центральной Азии – II–IV вв. н.э.) писал, что ритуал поднятия хана на войлоке семью придворными происходит от тоба [Сухбаатар, 1971, с. 131–132]. С этим же сяньбийским племенем связывает истоки монгольской титулатуры, иерархии государственных должностей и концепции верховной власти (идея "единохаганства", связь хагана с Небом) и Ш.Бира. Но, во-первых, для доказательства традиционности последнего явления он привлекает не сяньбийскую, а древнетюркскую формулу монаршего титула, уподобляя ее эпитетам первопредка Бортэ-чино в "Тайной истории монголов" [Бира, 1977, с. 197]. Во-вторых, заявив о непрерывности передачи традиции политических представлений у кочевых народов [Бира, 1977, с. 196], Ш.Бира не

прослеживает в дальнейшем ход этого процесса, не показывает его механизм. В-третьих, рассмотрение в одном ряду древнетюркского эля и тобаских царств едва ли корректно. Если хуннская и тюркская политические структуры действительно обнаруживают аналогии по многим показателям, а тюркоязычность хуннов сейчас в целом признана наукой, то сяньби-тоба (табгач), мигрировавшие в Китай, вряд ли могли послужить Ашинам в качестве образца для подражания. Напротив, порядки, царившие в Поднебесной, вызывали у лидеров каганата стойкую неприязнь и опасения их дестабилизирующего влияния на общность "голубых тюрок" (см. [Малов, 1951, с. 34]). К тому же ограничение сферы сохранения традиции одним лишь конфессиональным фактором [Бира, 1977, с. 199-204] обедняет многообразие социально-политических отношений, ведь государственное строительство велось на основе не только религиозных норм [Трепавлов, 1987а].

Если Г.Сухбаатар, как и И.Я.Златкин, начинает историю антагонистических формаций в Центральной Азии с хуннской эпохи, то Н.Сэр-Оджав, признавая державу шаньюев "дофеодалным государством", считает первым раннефеодальным образованием каганат жужаней (IV-VI вв.); именно от них, по его мнению, через тюрок и уйгуров, начал формироваться "эксплуататорский" строй, окончательно сложившийся в Монгольской империи XIII в. [Сэр-Оджав, 1971, с. 15, 25; Сэр-Оджав, 1977, с. 157-158].

Тема государственных традиций древних тюрок VI-VIII вв. имеет гораздо большую литературу. Еще в 1941 г. В.А.Гордлевский писал, что "гипотеза о взаимодействии турок и монголов" задолго до нашествия Чингис-хана и его внуков на западные страны "стоит на очереди" [Гордлевский, 1960, с. 69]. Начали ее исследовать американские и турецкие ученые⁷. П.Голден разработал классификацию передававшихся традиций, выделив из них культовые (церемониал коронации, представления о священных узах кагана и всего правящего рода с божественными силами, понятие священного центра державы), политические и социальные (титулатура, деление государства на две части-крыла при старшинстве восточной, владение доменальными землями по рекам Орхону и Селенге) [Голден, 1982, с. 42-65]. Критериальный подход и анализ у П.Голдена представляются весьма продуктивными, но данный автор намеренно ограничивает свое исследование дочингисовой эпохой, лишь изредка ссылаясь на примеры из устройства Еке Монгол Улуса. Кроме того, он не показывает путей и способов движения традиции от одного народа к другому, хотя и вводит вполне уместное понятие "translatio imperii" [Голден, 1982, с. 73].

Формационный подход укоренился в трудах историков-марксистов, и анализ эпохи существования государств древних тюрок и уйгуров (VI-IX вв.) не является исключением.

⁷ Речь идет именно о попытках развернутой аргументации, а не о простой констатации наличия тюркского наследия.

Выше указывалось, что некоторые советские и монгольские авторы связывают начало феодализации номадов с периодами хунну и жужаней. Другие исследователи придают аналогичное значение каганатам тугю и теле⁸. Для Саяно-Алтая это выводит М.Х.Маннай-оол [Маннай-оол, 1984, с. 105], для Центральной Азии — Г.А.Федоров-Давыдов (вслед за В.В.Бартольд) [Федоров-Давыдов, 1973, с. 6], а С.Г.Кляшторный прямо пишет: "Не гунны, а наследовавшие им... тюркские племена оказали решающее влияние на формирование специфических для Центральной Азии хозяйственных типов, политических общностей и культурных традиций" [Кляшторный, 1973, с. 254—255]. Принципиальное значение социально-политической организации тугю ("вечного эля") для окрестных и более поздних кочевых народов подчеркивал и Л.Н.Гумилев, выдвигая на первый план притягательную для степных вождей стройность политической структуры при правителях из рода Ашина [Гумилев, 1961, с. 20]. Но в одной из последующих работ он высказал противоположное мнение о всеобщем неприятии той же системы вследствие ее "жестокости" [Гумилев, 1970, с. 122]. В литературе неоднократно отмечалось решающее влияние каганатов VI—IX вв. на формирование государственности у карлуков (и Караханидов) [Бартольд, 1968а, с. 112; Кадырбаев, 1977, с. 87; Кляшторный, 1970, с. 84—85; Самолин, 1964, с. 77—78], киданей [Викторова, 1981, с. 75—76; Ивлиев, 1981, с. 68; Квантен, 1979, с. 94], кимаков [Кумек, 1972, с. 116—117; Плетнева, 1982, с. 98], хазар [Артамонов, 1962, с. 170—171; Бартольд, 1968г, с. 583; Голден, 1982, с. 47, 59—61; Толстов, 1938б, с. 187; Толстов, 1948, с. 226] и других народов. Рассмотрим состояние проблемы древнетюркских традиций в Монгольской империи.

Прежде всего следует отметить попытки сопоставления двух великих кочевых царств безотносительно к их исторической связи. Поскольку формационные критерии сравнения их советскими и монгольскими учеными уже названы и показаны выше, упомянем здесь лишь о концепциях западных историков. Представляются характерными взгляды Дж.Сондерса и Д.Синора. Дж.Сондерс усмотрел общность исторических судеб и особенностей внутренней структуры каганатов тугю и Еке Улуса в таких факторах, как чрезвычайная скорость расширения территории, использование распрей в стане противника (жертв завоеваний и набегов), стремление к созданию всемирной империи [Сондерс, 1971, с. 28]. Но по таким характеристикам можно поставить в один ряд и империю Бонапарта, и "третий рейх" и т.п. Несмотря на название целой главы "Тюркская репетиция монгольских завоеваний", автор не пошел дальше пересказа известных фактов полити-

⁸ Уйгурский каганат в административном отношении был идентичен своему предшественнику — II Восточнотюркскому каганату. Специфическую уйгурскую традицию попытался определить К.Цегледи, но он приписывает к таковой только один феномен — известную задолго до VIII в. десятичную разверстку армии и населения [Цегледи, 1974, с. 304].

ческой истории VI-VIII вв. Как видим, новозеландский номадист взял для сравнения лишь самые абстрактные параметры, да к тому же только из сферы военно-дипломатических отношений. Теми же недостатками страдают и выкладки Х. Мартина [Мартин, 1950, с. 309-310]. Д. Синор оценивает эль тюрок и Улус монголов посредством исторически иррациональных категорий: "У Тюркского государства не было ни долголетия, ни мощи Монгольской империи, но оно так же либерально, как и последняя, относилось к людям и идеям и было менее разрушительным" [Синор, 1953, с. 434]. Такой подход едва ли может способствовать позитивному изучению вопросов историко-генетической связи кочевых держав.

П. Голден, утверждая, будто "многие из тюркских имперских форм возродились и всплыли в империи Чингис-хана" [Голден, 1982, с. 55], ограничивается двумя частными примерами — контролем над доменом и сходством каганской титулатуры [Голден, 1982, с. 56, 72].

Почти все авторы, сталкивавшиеся с аспектами древнетюркского государственного наследия в XIII в., отмечали наличие отдельных его ингредиентов — не более. Так, его проявления усматривали в тюркской по происхождению титулатуре монгольской знати [Бартольд, 1968б, с. 256; Филлипс, 1969, с. 24], в системе крыльев, их иерархии и цветообозначениях [Альфельди, 1943, с. 516; Патканов, 1877, с. 83; Кононов, 1978, с. 173], доктринах монархического правления [Бира, 1978, с. 30; Голден, 1982, с. 72-73; Керн, 1980, с. 94-95; Рахевильц, 1975, с. 28-31; Туран, 1955, с. 82], организации гвардии [Филлипс, 1969, с. 42]⁹, стремлении Чингис-хана распространить свое господство на районы, некогда подчинявшиеся Ашинам [Мартин, 1950, с. 228].

Если эти рассуждения эпизодичны и обычно высказываются авторами похода, без развернутых комментариев и аргументации, то в трудах турецких историков И. Кафесоглу и особенно А.З.В.Тогана тюрко-монгольские историко-генетические связи являются главным предметом исследования. А.З.В.Тоган выдвигает следующую посылку: "Ни один народ не может за несколько лет создать государственность; наивно было бы приписывать возникновение разветвленной государственности только советам уйгуров или гениальности Чингис-хана" [Тоган, 1941, с. 31]. Внутригосударственные и внешнеполитические мероприятия монгольской верхушки в начале XIII в. А.З.В.Тоган приписывает именно "тюркским завоевательным и государственным традициям". В числе таковых перечисляются следующие: 1) простая и гибкая организация, основанная на обычном праве; 2) титул кагана (который автор считает тюркским); 3) главенство правящего рода; 4) двадцатичетырехчленная и четырехкратная организация армии и уделов — раздача четырем чингисовым сыновьям по четыре племени; 5) идея

⁹ Противоположное мнение — об оригинальности корпуса кешиг — см. в кн. [История МНР, 1967, с. 106].

всемирной империи с центром в древнетюркском домене Оюкен-йыш, трактуемом как регион между Тяньшанем и Орхоном [Тоган, 1941, с. 30; Тоган, 1946, с. 103, 106–109].

Ни один из этих пунктов не является бесспорным:

1) обычное право *törü* – вовсе не монополия тюрков и монголов. Автор сам признает, что оно бытовало в истории от скифов до узбеков [Тоган, 1946, с. 109]; 2) каганом впервые назвал себя правитель сяньби или жужаней¹⁰ (оба народа монголоязычны), и только затем – тюрков-тугю; 3) правящий род считался владыкой империи не только у хуннов (Люаньди), тюрков (Ашина) и уйгуров (Яглакар), но и у монголоязычных киданей (Елюй), и у тунгусоязычных чжурчженей (Ваньянь); 4) Чингис-хан завещал сыновьям не по четыре племени, а по четыре "тысячи", что не равнозначно. Причем из четырех наследников младший получил не четыре, а более ста "тысяч" [Рашид ад-дин, 1952, с. 266–277]. Да и приводимая аналогия опоры древнетюркских монархов на четыре племени [Тоган, 1946, с. 108] сомнительна; 5) домен рода Чингисидов располагался как раз к востоку от Орхона – это был так называемый Коренной юрт в бассейне Онона и Керулена; 6) если идею "всемирной империи" можно обнаружить в политике монгольского правительства (особенно при хаганах Гуюке и Мункэ), то нет сведений и даже косвенных данных о существовании ее в тюркских каганатах.

Выявляя тюркские традиции в Монгольской империи, А.З.В.Тоган столкнулся с задачей, как объяснить их проникновение к монголам. В своих книгах "Монголы, Чингиз и тюрки" и "Введение во всеобщую историю тюрков" он попытался обосновать это генеалогическим родством Чингисидов с Ашинами, монгольского племени кият-борджигин с древнетюркским "аристократическим" племенем кайы [Тоган, 1941, с. 14–17; Тоган, 1946, с. 66–67]. Разбор этнической предыстории борджигинов-Чингисидов выходит за рамки нашей темы; укажем лишь, что все доводы А.З.В.Тогана были опровергнуты в обстоятельной статье И.Кафесоглу [Кафесоглу, 1953, с. 127–135].

Связать генеалогию Тэмуджина с тюрками и уйгурами пытались также Г.Шмидт, раскритикованный Д.Банзаровым [Банзаров, 1849, с. IV], и Х.Ховорс. Последний идентифицировал одного из чингисовых предков, Дува-мэргэна, с Тобо-каганом (на троне в 573–581 гг.). Основания таковы. После смерти Тобо каганат разделился на четыре части, а, согласно "Тайной истории монголов", племянники Дува-мэргэна стали главами четырех племен. У Тобо был брат Секин (Сакуй), а у Дува-мэргэна – брат Дува-сохор [Ховорс, 1876, с. 36]. На самом же деле, во-первых, Тобо – это китайская транскрипция тюркского имени Таспар (Тсапар)

¹⁰ О приоритете сяньби см. [Материалы, 1984, с. 217, 227–234; Сухбаатар, 1971, с. 79–80]. Сиратори Куракити и Н.Сэр-Оджав считают, что первым в истории каганом был жужаньский Шэлунь [Сэр-Оджав, 1971, с. 16; Сиратори, 1926, с. 3–4, 7–8, 16]. То же см. в кн. [История МНР, 1967, с. 84].

[Кляшторный, Лившиц, 1971, с. 130], из которого в монгольском языке никак не может получиться "Дува". Во-вторых, братья Дува были потомками Бортэ-чино в десятом поколении, т.е. жили примерно в середине X в. — на четыреста лет позже Тобо-кагана¹¹.

Происхождение монгольской государственности нередко связывают с еще одним кочевым народом — киданями. Киданьская империя Ляо (916—1125) занимает в ряду средневековых держав особое место — прежде всего в силу своей экономической особенности, совмещения кочевого и оседло-земледельческого укладов [Викторова, 1961]. Поскольку эта же черта была позже присуща и Еке Монгол Улусу, отдельные авторы, начиная с В.П.Васильева, причисляли ее к киданьской традиции [Васильев, 1857, с. 17; Деопик, 1978, с. 119; Таскин, 1975, с. 83; Таскин, 1979, с. 16]. Кроме того, в литературе отмечалось большое влияние ляо-ского общественного строя на формирование феодальных отношений у монголов [Пэрлээ, 1959, с. 95 и сл.], на принципы комплектования административного и командного персонала, военную структуру и религиозную политику [Виттфогель, 1957, с. 184; Виттфогель, Фэн Цзяшэн, 1949, с. 9, 18, 533]. Среди главных инициаторов введения киданьских приемов управления называют начальника верховного секретариата при Чингис-хане и Угэдэе — Елюй Чуцай. Более того, некоторые исследователи полагают, что Чингис мнил себя наследником государей Ляо и мстить чжурчжэням за разгром "Железной" империи была одним из оснований его вторжения в Северный Китай [Викторова, 1980, с. 175; Мункуев, 1965, с. 14; Груссе, 1941, с. 216]. Действительно, он заявил Елюй Чуцаю: "[Дома] Ляо и Цзинь — извечные враги. Я отомстил им (т.е. цзиньцам. — В.Т.) за тебя!" [Иакинф, 1829, с. 106; Мункуев, 1965, с. 70]. Но из этой фразы вытекает стремление наказать обидчиков лично Елюй Чуцай, а для Чингис-хана резоннее было бы мстить не за чуждое ему киданьское царство, а за собственного прадеда, казненного чжурчжэнями [Иакинф, 1329, с. 36; Рашид ад-дин, 1952, с. 263]¹². И все же преувеличивать фактор возмездия в монголо-цзиньских войнах не стоит: вероятно, это был тактический ход, средство привлечения на свою сторону многочисленных киданьских подданных "Алтан-хагана". Подтверждением тому, например, служит трагическая судьба марionеточного княжества Великое Ляо, сначала поддержанного Чингис-ханом, а затем безжалостно уничтоженного [Воробьев, 1975, с. 302—303; Иакинф, 1829, с. 55, 58, 77, 86; Мелихов, 1970, с. 64—70]. К тому же, если бы Чингис придерживался какой-либо прокиданьской ориентации, трудно было бы объяснить стремление к союзу с

¹¹ Ныне установлено, что время жизни Бортэ-чино — середина VIII в. (см. [Викторова, 1980, с. 161]). Одно поколение — приблизительно двадцать-двадцать пять лет.

¹² В указанных местах источников говорится о мести Цзиням именно за Амбагая.

ним в 1211 г. уйгурских и карлукских правителей, стоявших в оппозиции к гурханам Западного Ляо. В целом проблема киданьского наследия еще ждет подробного изучения.

Все названные выше историки искали истоки формирования монгольской государственности в более или менее отдаленном от чингисовых времен прошлом и среди немонгольских или протомонгольских этносов. Но эпоха XII в. в Центральной Азии тоже заслуживает внимания и анализа. Существует мнение, что крупным стимулом развития социально-политических отношений у ононо-керуленских номадов были их связи с окрестными племенными союзами и ханствами — цзубу, керентами и другими [Гумилев, 1970, с. 171; Ишжамц, 1972, с. 10—11; Рахевильц, 1983, с. 283—284]. Гораздо более активно разрабатывается вопрос о том, какой статус имело монгольское объединение середины XII в. Хамуг Монгол, возглавлявшееся "хаганами" Хабулом, Амбагаем и Хутулой. Ведь именно их преемником подается порой Чингис-хан, принявший "их" титул кагана и "вновь" нарекший народ монголами [Бартольд, 1963, с. 447; Бартольд, 1968б, с. 257—258; Викторова, 1974, с. 211; Калужиньски, 1983, с. 131].

Со времен фундаментальной монографии Б.Я.Владимирцова отрицалось существование доимперской государственности у монголов. Власть ханов XII в., писал Б.Я.Владимирцов, "была очень слабой и незначительной... Это были эфемерные вожди неопределенных групп с неопределенной, всегда оспариваемой властью" [Владимирцов, 1934, с. 80]. Ныне с ним солидаризируются в этом Г.Е.Марков, Н.Ц.Мункуев, В.С.Таскин, А.М.Хазанов [Марков, 1976, с. 63; Мункуев, 1970а, с. 354—355; Мункуев, 1970б, с. 10—11; Материалы, 1984, с. 31; Хазанов, 1980, с. 30, 36]. К этой концепции примыкают точки зрения Л.Крадера и Р.Груссе: первый относит основание монгольского государства к концу XII в. — к акту первого провозглашения Тэмуджина ханом; второй, хотя и признает Хамуг Монгол "зародышем первого царства монголов", отмечает его моментальный распад после смерти Хутулы и отсутствие чьих-либо попыток "воцариться" вновь [Груссе, 1941, с. 36, 39; Крадер, 1978, с. 99—100].

С другой стороны, некоторые историки, в том числе медиевисты МНР, сейчас выдвигают идею о Хамуг Монголе как государстве [БНМАУ-ын түүх, 1984, с. 147; Викторова, 1974, с. 211; Гонгор, 1973, с. 121; Ишжамц, 1972, с. 11—12; Кычанов, 1974, с. 165—169; Пэрлээ, 1963, с. 316; и др.]. Доказательствами служат, во-первых, фраза из "Тайной истории монголов": "Всеми монголами ведал Хабул-хаган. После Хабул-хагана всеми монголами стал ведать... Амбагай-хаган" [Козин, 1941, с. 84], где "все монголы" передано через "хамуг монгол"; во-вторых, известия китайских хроник, согласно которым один из монгольских вождей (скорее всего, тот же Хабул) в 1147 г. принял китайский титул "император-основатель династии" и назвал свое владение Великим монгольским государством [Бичурин, 1950,

с. 379; Васильев, 1857, с. 80]; и, в-третьих, наименование персидскими хронистами объединений того времени также ханствами.

Обе теории, очевидно, недостаточно подкреплены историко-ведческой базой, часто одни и те же высказывания из средневековых сочинений трактуются в противоположном смысле. Поэтому в последние годы дискуссия начала перемещаться с проблемы выбора "государство или негосударство" к методологически более оправданному выяснению общественно-экономического и политического характера центральноазиатских союзно-племенных объединений — улусов, одним из которых, видимо, и являлся тайджиутский Хамуг Монгол. Наиболее плодотворно в этом направлении работают А.Ш.Кадырбаев и Е.И.Кычанов, определившие улусы XII в. как все-таки государства, но "первоначального типа" [История Казахской ССР, 1979, с. 48; Кадырбаев, 1984, с. 254—255; Кадырбаев, 1986; Кычанов, 1978; Кычанов, 1986].

К проблеме традиционности примыкает вопрос о влиянии оседлых соседей на кочевников и заимствовании последними социальных институтов и культурных достижений. Применительно к истории Центральной Азии эти аспекты подробнее всего разработаны в отношении монголо-китайских, монголо-чжурчжэнских и монголо-уйгурских связей. Однако все это — явления другого уровня, так как при функционировании этих связей преемственности в полном смысле не происходит. Поэтому мы опускаем разбор литературы, отражающей заимствования и влияния в Монгольской империи¹³.

Время от времени встречаются утверждения об отсутствии (полном или частичном) преемственности в развитии кочевых государств. По мнению Л.Н.Гумилева, "тюрки, потомки хуннов, ничего не знали о своих предках, так же как монголы Чингис-хана ничего не знали о тюрках. История Срединной Азии не может быть нами понята, если мы не учтем двух разрывов традиции: между Хунну и тюркским каганатом и между каганатом и империей Чингис-хана" [Гумилев, 1967, с. 6]. В перерывах лежат периоды "обскуранции", "анабиоза и безвременья" [Гумилев, 1967, с. 340]. Следовательно, игнорируются в качестве носителей традиций и сяньби, и жуэни, и все народы, господствовавшие в степи на протяжении IX—XII вв.¹⁴.

Л.Л.Викторова считает, что поскольку центральноазиатские государственные образования I — начала II тысячелетия н.э. были разнородными по этнолингвистической при-

¹³ Кроме перечисленных проблем существует единственная в своем роде попытка выявить кушанскую религиозно-политическую традицию в Юаньской империи, привнесенную буддийским монашеством через индийские сочинения [Бира, 1975].

¹⁴ Позже Л.Н.Гумилев напишет, что монголы продолжали традиции хуннов, тюрков и цзубу [Гумилев, 1970, с. 162].

надлежности, их нельзя рассматривать как ступени, этапы единой линии эволюции от родового строя к классовому. Поэтому Л.Л.Викторова предложила исследовать в длительном историческом периоде только группы генетически связанных между собой народов. Отсюда племенными союзами, передававшими друг другу традиции, в том числе и социальные, были — в данном случае "монгольский ряд" — шаньжуны, дунху, ухуань, сяньби (без тоба, ушедших в Китай), муюн, юйвынь, кидани, некоторые группы шивэй, среди которых и собственно монголы [Викторова, 1968, с. 547—548, 556]. Вероятно, такая схема, исключая все тюркские державы, удобна для выяснения проблем этногенеза монголов, но для анализа общественных и государственных отношений она не годится. В своей книге "Монголы. Происхождение народа и истоки культуры" Л.Л.Викторова поддержала идею о прогрессировавшей феодализации в Центральной Азии на протяжении всего I и начала II тысячелетия н.э. [Викторова, 1980, с. 172].

Итак, проблема государственных традиций в кочевых империях, в частности в Монгольской, получила широкое освещение в трудах исследователей, в то время как вопрос о природе и особенностях традиции государственности, о путях и способах ее передачи в истории, пожалуй, даже еще не ставился. Без его решения сопоставительный анализ государственности различных кочевых народов, на наш взгляд, превращается в простое сравнение по аналогии. Углубленного изучения той или иной традиции государственности (древнетюркской, киданьской или какой-либо другой) не предпринималось. Исследователи ограничивались констатацией наличия наследия или приведением отдельных исторических примеров и сопоставлений. Поэтому в целом проблема традиций государственности у кочевников остается малоизученной¹⁵.

Альфельди, 1943. — *Alföldy A. Türklerde Çift Krallık. Şimali Asya Kavimlerinde Krallık Müessesesinin Inkisafı hakkında bir Etüd.-2-ci Türk Tarih Kongresi. İstanbul, 1943.*

Артамонов, 1962. — *Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.*

Банзаров, 1849. — *Банзаров Д. О происхождении имени "монгол". — Шейбаниада: История монголо-тюрков на джагатайском диалекте. Казань, 1849.*

Бартольд, 1963. — *Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Бартольд В.В. Сочинения. Т. 1. М., 1963.*

Бартольд, 1968а. — *Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. — Бартольд В.В. Сочинения. Т. 5. М., 1968.*

Бартольд, 1968б. — *Бартольд В.В. Образование империи Чингиз-хана. — Бартольд В.В. Сочинения. Т. 5. М., 1968.*

Бартольд, 1968в. — *Бартольд В.В. [Рец. на:] Н.А.Аристов, Заметки об*

¹⁵ Одну из попыток разобраться в этих вопросах см. [Трепавлов, 1987б].

- этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — *Бартольд В.В. Сочинения*. Т. 5. М., 1968.
- Бартольд, 1968г. — *Бартольд В.В. Тюрки (историко-этнографический обзор)*. — *Бартольд В.В. Сочинения*. Т. 5. М., 1968.
- Бернштам, 1946. — *Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрк VI—VIII веков: Восточно-Тюркский каганат и кыргызы*. М.—Л., 1946.
- Бира, 1975. — *Бира Ш. Кушаны в монгольской традиции*. — *Центральная Азия в кушанскую эпоху*. Т. 2. М., 1975.
- Бира, 1977. — *Бира Ш. Концепция верховной власти в историко-политической традиции монголов*. — *Бира Ш. БНМАУ-ын түүх, соёл, түүх бичлэгийн асуудалд*. Улаанбаатар, 1977.
- Бира, 1978. — *Бира Ш. Монгольская историография XIII—XVII вв.* М., 1978.
- Бичурин, 1950. — *Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. 1. М.—Л., 1950.
- БНМАУ-ын түүх, 1984. — *Вүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын түүх*. Улаанбаатар, 1984.
- Васильев, 1857. — *Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века*. — ТВОРАО. Вып. 4. 1857.
- Васильев, 1983. — *Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства: формирование основ социальной структуры и политической администрации*. М., 1983.
- Викторова, 1961. — *Викторова Л.Л. Кочевой уклад в киданьской империи*. — *Материалы по этнографии*. Вып. 1. Л., 1961.
- Викторова, 1968. — *Викторова Л.Л. Становление классового общества у древнемонгольских кочевников*. — *Проблемы истории докапиталистических обществ*. М., 1968.
- Викторова, 1974. — *Викторова Л.Л. Основные этапы формирования монгольских этнических общностей*. — *Проблемы алтаистики и монголоведения*. Вып. 1. Элиста, 1974.
- Викторова, 1980. — *Викторова Л.Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры*. М., 1980.
- Викторова, 1981. — *Викторова Л.Л. Роль киданей в этнокультурной и политической истории монголов*. — *Общество и государство в Китае*. М., 1981.
- Виттфогель, 1957. — *Wittfogel K. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power*. New Haven, 1957.
- Виттфогель, Фэн Цзяшэн, 1949. — *Wittfogel K.A., Fêng Chia-shêng. History of Chinese Society Liao (907—1125)*. Philadelphia, 1949.
- Владимирцов, 1934. — *Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм*. Л., 1934.
- Воробьев, 1975. — *Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (Xв.—1234 г.): Исторический очерк*. М., 1975.
- Голден, 1982. — *Golden P. Imperial Ideology of the Sources of Political Unity amongst the Pre-Cinggisid Nomads of Western Eurasia*. — *Archivum Eurasiae Medii aevi*. Т. 2. Wiesbaden, 1982.
- Гонгор, 1973. — *Гонгор Д. К вопросу о формировании халхаской народности*. — *Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал*. Боть 1. Улаанбаатар, 1973.
- Гонгор, 1978. — *Гонгор Д. Халх товчоон: Халх монголчуудын өвөг дээдэс ба Халхын хаант улс (VIII—XVII зуун)*. Боть 2. Улаанбаатар, 1978.

- Гордлевский, 1960. — *Гордлевский В.А.* Государство Сельджукидов Малой Азии. — *Гордлевский В.А.* Сочинения. Т. 1. М., 1960.
- Грач, Потапов, 1964. — *Грач А.Д., Потапов Л.П.* Период ранних феодальных отношений: Тува в составе Тюркского каганата. — История Тувы. Т. 1. М., 1964.
- Груссе, 1941. — *Grousset R.* L'empire mongole (1-re phase). P., 1941.
- Гумилев, 1961. — *Гумилев Л.Н.* Орды и племена у древних тюрков и уйгуров. — Материалы по этнографии. Вып. 1. Л., 1961.
- Гумилев, 1967. — *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1967.
- Гумилев, 1970. — *Гумилев Л.Н.* Поиски вымышленного царства: Легенда о "государстве пресвитера Иоанна". М., 1970.
- Деоник, 1978. — *Деоник Д.В.* Восточная Азия. — Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий: Проблемы исторических контактов. М., 1978.
- Златкин, 1960. — *Златкин И.Я.* Опыт периодизации истории феодализма в Монголии. — XXV Международный конгресс востоковедов: Доклады советской делегации. М., 1960.
- Златкин, 1971. — *Златкин И.Я.* Концепция истории кочевых народов А.Тойнби и историческая действительность. — Современная историография стран зарубежного Востока: Проблемы социально-политического развития. М., 1971.
- Златкин, 1974. — *Златкин И.Я.* Некоторые проблемы социально-экономической истории кочевых народов. — Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 1. Элиста, 1974.
- Златкин, 1982. — *Златкин И.Я.* Основные закономерности развития феодализма у кочевых скотоводческих народов. — Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.
- Иакинф, 1829. — *Иакинф (Бичурин Н.Я.)*. История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.
- Ивлиев, 1981. — *Ивлиев А.Л.* О возникновении государства у киданей. — Общество и государство в Китае. М., 1981.
- История Казахской ССР, 1979. — История Казахской ССР. Т. 2. Алма-Ата, 1979.
- История МНР, 1967. — История Монгольской Народной Республики. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1967.
- Ишкямц, 1972. — *Ишкямц Н.* Образование единого монгольского государства и установление феодализма в Монголии (XI — середина XIII в.). Автореф. канд. дис. М., 1972.
- Кадырбаев, 1977. — *Кадырбаев А.Ш.* Китайские источники эпохи Юань о карлуках. — III и ПИКНВ. 1977.
- Кадырбаев, 1984. — *Кадырбаев А.Ш.* "Юань ши" как источник по истории керантов и найманов. — ПИВ. 1976—1977. М., 1984.
- Кадырбаев, 1986. — *Кадырбаев А.Ш.* Китайские источники эпохи Юань о государственности кочевников средневекового Казахстана (XII — начало XIII в.). — Общество и государство в Китае. Ч. 2. М., 1986.
- Калужиньски, 1983. — *Kałużyński S.* Imperium mongolskie. Warszawa, 1983.
- Кафесоглу, 1953. — *Kafesoğlu I.* Türk Tarihinde Moğollar ve Cengis Meselesi. — Istanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi. 1953, № 8.
- Казн, 1896. — *Cahun L.* Introduction à l'histoire de l'Asie Centrale. Des origines à 1405. P., 1896.

- Квантен, 1979. — *Kwanten L. Imperial Nomads. A History of Central Asia, 500–1500.* Philadelphia, 1979.
- Кверн, 1980. — *Kvaerne P. Mongols and Khitans in the 14th Century Tibetan Wopno Text.* — АОН, 1980, т. XXXIV.
- Киселев, 1951. — *Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири.* Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1951.
- Кляшторный, 1970. — *Кляшторный С.Г. Эпоха "Кутадгу билиг".* — СТ, 1970, № 4.
- Кляшторный, 1973. — *Кляшторный С.Г. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии.* (По материалам полевых исследований в Монголии, 1963–1969). — Тюркологический сборник. 1972. М., 1973.
- Кляшторный, 1984. — *Кляшторный С.Г. Каган, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности.* — Уч. зап. ЛГУ, № 412. Востоковедение. Вып. 9. Л., 1984.
- Кляшторный, 1986. — *Кляшторный С.Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тыс. до н.э.— I тыс. н.э.).* — Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986.
- Кляшторный, Лившиц, 1971. — *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута.* — Страны и народы Востока. Вып. 10. М., 1971.
- Козин, 1941. — *Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.—Л., 1941.*
- Кононов, 1978. — *Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках.* — Тюркологический сборник. 1975. М., 1978.
- Крадер, 1955. — *Krader L. The Principles and Structures of Organization of Asiatic Steppe-Pastoralists.* — *Southwestern Journal of Anthropology. Vol. 11. 1955, № 2.*
- Крадер, 1978. — *Krader L. The Origin of the State among the Nomads of Asia. — The Early State.* The Hague, Mouton, 1978.
- Кумеков, 1972. — *Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам.* А.—А., 1972.
- Кычанов, 1974. — *Кычанов Е.И. К вопросу об уровне социально-экономического развития татаро-монгольских племен в XII в. — Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии.* Улан-Батор, 1974.
- Кычанов, 1978. — *Кычанов Е.И. Монголы в VI — первой половине XII в. — Дальний Восток и соседние территории в средние века.* Новосибирск, 1978.
- Кычанов, 1986. — *Кычанов Е.И. О татаро-монгольском улусе XII в. — Восточная Азия и соседние территории в средние века.* Новосибирск, 1986.
- Лашук, 1967. — *Лашук Л.П. Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников.* — Советская этнография. М., 1967, № 4.
- Малов, 1951. — *Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования.* М.—Л., 1951.
- Маннай-оол, 1984. — *Маннай-оол М.Х. К вопросу о предпосылках и сущности генезиса феодализма у народов Саяно-Алтайского нагорья. — Проблемы истории Тувы.* Кызыл, 1984.
- Марков, 1973. — *Марков Г.Е. Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии.* — 9-й Международный конгресс антропологических и этнографических наук: Доклады советской делегации. М., 1973.

- Марков, 1976. — *Марков Г.Е.* Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.
- Мартин, 1950. — *Martin H.D.* The Rise of Chingis Khan and His Conquest of Northern China. Baltimore, 1950.
- Материалы, 1984. — Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. Пер. с китайского, введ., коммент. В.С.Таскина. М., 1984.
- Мори, 1981. — *Mori M.* The T'u-chüeh Concept of Sovereign. — Acta Asiatica. Токуо, 1981, № 41.
- Мункуев, 1965. — *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чуцая. М., 1965.
- Мункуев, 1970а. — *Мункуев Н.Ц.* Заметки о древних монголах. — Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- Мункуев, 1970б. — *Мункуев Н.Ц.* Некоторые проблемы истории монголов XIII в. по новым материалам: Исследование южносунских источников. Автореф. докт. дис. М., 1970.
- Нацагдорж, 1975. — *Нацагдорж Ш.* Основные черты феодализма у кочевых народов (На примере развития монгольского общества). — 14-й Международный конгресс исторических наук. Доклады монгольских делегатов. Улан-Батор, 1975.
- Патканов, 1877. — Армянская география VII века по Р.Х. (приписываемая Моисею Хоренскому). Пер. с армянского, примеч., изд. текста К.П.Патканова. СПб., 1877.
- Плетнева, 1982. — *Плетнева С.А.* Кочевники Средневековья: Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
- Пэрлээ, 1959. — *Пэрлээ Х.* Хятан нар, тэдний монголчуудтай холбогдсон нь. Улаанбаатар, 1959 (*Studia Historica*, 1).
- Пэрлээ, 1963. — *Пэрлээ Х.* Собственно монгольские племена в период Киданьской империи (907–1125). — Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. 5, М., 1963.
- Рахевильц, 1975. — *Rachewiltz I. de.* Some Remarks on the Ideological Foundations of Chingis Khan's Empire. — Papers on Far Eastern History. 1975, № 7.
- Рахевильц, 1983. — *Rachewiltz I. de.* Turcs in China under the Mongols. A Preliminary Investigation of Turco-Mongol Relations in the 13 and 14th Centuries. — China among Equals. A Middle Kingdom and Its Neighbours, 10–14th Centuries. Berkeley-Los Angeles-London, 1983.
- Рашид ад-дин, 1952. — *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. Пер. с персидского О.И.Смирновой, примеч. Б.И.Панкратова и О.И.Смирновой. М.-Л., 1952.
- Рерих, 1958. — *Рерих Ю.Н.* Монголо-тибетские отношения в XIII–XIV вв. — Филология и история монгольских народов. М., 1958.
- Савинов, 1984. — *Савинов Д.Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
- Самолли, 1964. — *Samolin W.* East Turkestan to the 12th Century. The Hague, 1964.
- Санкритьяна, 1964. — *Sankrityayana R.* History of Central Asia. Calcutta-New Delhi, 1964.
- Синор, 1953. — *Sinor D.* The Historical Role of the Turk Empire. — Cahiers d'histoire mondiale. 1953, vol. 1, № 2.
- Сиратори, 1926. — *Shiratory K.* The Study on the Titles Kaghan and Khatun. — Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko. 1926, № 1.

- Сондерс, 1971. — *Saunders J.J.* The History of the Mongol Conquests. L., 1971.
- Сухбаатар, 1971. — *Сухбаатар Г.* Сяньби нарын угсаа гарал, соёл, аж ахуй, нийгмийн байгуулал (нэн эртнээс м.э. IV зуун). Улаанбаатар, 1971.
- Сухбаатар, 1973. — *Сухбаатар Г.* К вопросу об исторической преемственности в истории древних государств на территории Монголии. — Түүхийн судлал. Т. 9. Улаанбаатар, 1973.
- Сухбаатар, 1974. — *Сухбаатар Г.* К вопросу об этногенезе монголов. — Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974.
- Сухбаатар, 1978. — *Сух-Батор Г.* Некоторые вопросы истории хуннов (сюнну). — Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. Боть 1. Улаанбаатар, 1978.
- Сэр-Оджав, 1971. — *Сэр-Оджав Н.* Древняя история Монголии (XIV в. до н.э. — XII в. н.э.). Автореф. докт. дис. Новосибирск, 1971.
- Сэр-Оджав, 1977. — *Сэр-Оджав Н.* Монголын эртний түүх (Археологийн найруулал). Улаанбаатар, 1977.
- Таскин, 1973. — *Таскин В.С.* Предисловие. — Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М., 1973.
- Таскин, 1975. — *Таскин В.С.* Киданьский император на китайском престоле. — Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.
- Таскин, 1979. — *Таскин В.С.* "История государства киданей" как исторический источник. — *Е Лун-ли.* История государства киданей. М., 1979 (Памятники письменности Востока, XXV).
- Тоган, 1941. — *Togan A.Z.V.* Cingis, Moğollar ve Türkler. Istanbul, 1941.
- Тоган, 1946. — *Togan A.Z.V.* Umumi Türk Tarihine Giriş. С. 1. Istanbul, 1946.
- Толстов, 1938а. — *Толстов С.П.* К истории древнетюркской социальной терминологии. — ВДИ. 1938, № 1(2).
- Толстов, 1938б. — *Толстов С.П.* Основные вопросы древней истории Средней Азии. — ВДИ. 1938, № 1(2).
- Толстов, 1948. — *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
- Трепавлов, 1987а. — *Трепавлов В.В.* Историческое знание и государственные традиции. — Историческое знание и современность. Свердловск, 1987.
- Трепавлов, 1987б. — *Трепавлов В.В.* Социально-политическая преемственность в государственном строе Монгольской империи XIII в. Автореф. канд. дис. М., 1987.
- Туран, 1955. — *Turan O.* The Ideal of World Domination. — *Studia Islamica.* 1955, vol. 4.
- Фасеев, 1978. — *Фасеев Ф.С.* К расшифровке хуннских фрагментов. — Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978.
- Федоров-Давыдов, 1966. — *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Федоров-Давыдов, 1973. — *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
- Филлипс, 1969. — *Phillips E.D.* The Mongols. N.Y.—Wash., 1969.
- Флетчер, 1986. — *Fletcher J.* The Mongols: Ecological and Social Perspectives. — *HJAS.* 1986, vol. 46, № 1.

- Фокс, 1937. -- *Fox R. Genghis Khan. L., 1937.*
- Хазанов, 1975. — *Хазанов А.М.* Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975.
- Хазанов, 1980. — *Khazanov A.M.* The Origin of Chinghis Khan's State (an Anthropological Approach). — *Etnografia polska.* 1980, t. 24.
- Ховорс, 1896. — *Howorth H.H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. Pt 1. L., 1896.
- Цегледи, 1974. — *Czegledy K.* History and the Turkic Inscriptions. — Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974.
- Чулошников, 1924. — *Чулошников А.П.* Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Оренбург, 1924.
- Шахматов, 1959. — *Шахматов В.Ф.* Основные черты казахской патриархально-феодальной государственности. — Изв. АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. Вып. 3 (11). А.-А., 1959.
- Ширендыб, 1974. — *Ширендыб Б.* Некоторые вопросы исследования проблемы "Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии". — Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974.
- Энгельс. — *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. — *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 21.